

Степанов В. П. **Фонвизин** // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980—1983.

Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. — 1980. — С. 655—672.

- 655 -

ФОНВИЗИН

Хотя современного читателя отделяют от эпохи Фонвизина целые два столетия, трудно найти человека, который бы не знал, что «недоросль» — это великовозрастный недоучка, или не слышал бы превратившихся в поговорки реплик «не хочу учиться, а хочу жениться», «зачем география, когда извозчики есть» и других фонвизинских выражений. Образы, крылатые слова и шутки из комедий Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» стали частью нашего словаря. Точно так же от поколения к поколению передавались идеи Фонвизина, сыгравшие важную роль в истории освободительного движения.

Фонвизин принадлежал к поколению молодых дворян, которые получили образование в созданном по инициативе Ломоносова Московском университете.¹ В 1755 г. он был определен в университетскую гимназию, которая готовила своих воспитанников к переводу в студенты, и проучился в ней до 1762 г.

Университет был центром литературной жизни в Москве. Одним из первых мероприятий университета было издание сочинений Ломоносова, здесь преподавали его ученики — поэт и переводчик Н. Н. Поповский, филолог А. А. Барсов, а издательскими делами заведовал М. М. Херасков. При университете существовал театр, в репертуар которого входили и переводы воспитанников гимназии. Их литературные упражнения охотно печатали выходившие

- 656 -

при университете журналы «Полезное увеселение» и «Собрание лучших сочинений». Не удивительно, что кроме Фонвизина из гимназии вышли многие известные впоследствии литераторы — Н. И. Новиков, Ф. А. Козловский, братья Карины, А. А. Ржевский и др.

Первыми литературными работами Фонвизина были переводы с немецкого и французского. Он помещает переводные статьи в университетских журналах и одновременно выпускает отдельной книгой «Басни нравоучительные» датского просветителя и сатирика Л. Гольберга (1761), а также начинает перевод многотомного романа Ж. Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского» (1762—1768), героем которого был идеальный просвещенный государь. Воспитательные и политические идеи Террасона положительно оценивали французские просветители. Фонвизин пробует также свои силы в драматической поэзии, приступая к переводу антиклерикальной трагедии Вольтера «Альзира».

Этот перечень заинтересовавших молодого писателя произведений свидетельствует о его раннем интересе к идеям европейского Просвещения. Либеральное начало царствования Екатерины II возбуждало у передовой части дворянства надежды на установление в России «просвещенной» монархии. В конце 1762 г. Фонвизин оставляет университет и определяется переводчиком в Коллегию иностранных дел. Непосредственно в Коллегии он пробыл всего лишь год, а затем был прикомандирован к канцелярии статс-секретаря императрицы И. П. Елагина.

В столице началось серьезное политическое образование Фонвизина. Он оказался в курсе разнообразных суждений о предполагаемых реформах, тех споров, которые предшествовали столь важным событиям в истории русской общественной мысли, как конкурс Вольного экономического общества о состоянии крепостных (1766) и созыв Комиссии для составления Нового Уложения (1767). В этих спорах формировалась идеология русского Просвещения. Фонвизин присоединил свой голос к тем, кто требовал политических свобод и ликвидации крепостного рабства. О его общественных взглядах в эти годы дают представление распространявшееся в рукописи «Сокращение о вольности

французского дворянства и о пользе третьего чина» и перевод «Торгующего дворянства» Г.-Ф. Куайе с предисловием немецкого юриста И.-Г. Юсти, вышедший в 1766 г.2

Куайе ставил своей целью указать, как деградирующее дворянство может вновь стать процветающим сословием. Но Фонвизина

- 657 -

книга, по-видимому, привлекла прежде всего содержащейся в ней резкой критикой дворян, которые во имя сословных предрассудков пренебрегают интересами государства и нации, а также мыслью о том, что сохранение жестких сословных перегородок — не в интересах общества. Именно эту идею он развил в рукописном рассуждении об учреждении «третьего чина» в России, под которым подразумевались купечество, мастеровые и интеллигенция. Новое «мещанское» сословие должно было постепенно состояться из выкупившихся на волю и получивших образование крепостных. Так, по мысли Фонвизина, постепенно, мирным путем, с помощью законов, изданных просвещенной властью, достигались ликвидация крепостничества, просвещение общества и расцвет гражданской жизни. Россия становилась страной с дворянством «совсем вольным», третьим чином, «совершенно освобожденным» и народом, «упражняющимся в земледелии, хотя не совсем свободным, но, по крайней мере, имеющим надежду быть вольным» (2, 116).

Фонвизин был просветителем, но печатью дворянской ограниченности отмечены как его вера в просвещенный абсолютизм, так и в исконную избранность своего класса. Нужно, однако, отметить, что ранний интерес Фонвизина к сословным, а по существу — к социальным вопросам, характерный и для его последующего творчества, позволит ему более трезво, чем многим из его современников, оценить и политическую ситуацию, которая сложилась в царствование Екатерины II. Позднее, создавая образ дворянина Стародума в «Недоросле», образ, которому в этой пьесе отданы авторские мысли и симпатии, он отметит, что его герой составил свое состояние и добился независимости в качестве честного промышленника, а не в качестве низкопоклонного придворного. Фонвизин выступил в числе первых русских писателей, которые начали последовательно разрушать сословные перегородки феодального общества.

Фонвизин слишком хорошо знал русское дворянство, чтобы ожидать от него поддержки при осуществлении просветительской программы. Но он верил в действенность пропаганды просветительских идей, под влиянием которой должно было сформироваться новое поколение честных сынов отечества. Как он полагал, они станут помощниками и опорой просвещенного государя, целью которого будет благо отечества и нации. Поэтому Фонвизин, сатирик по характеру своего дарования, начиная с ранних произведений, пропагандирует также положительный идеал общественного поведения. Уже в комедии «Корион» (1764) он нападал на дворян, которые уклоняются от службы, и словами одного из героев заявлял:

Кто к общей пользе все старанье приложил,
И к славе своего отечества служил,
Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое.

(1, 24)

- 658 -

«Корион», вольная переделка комедии французского драматурга Ж.-Б. Грессе «Сидней», открывает петербургский период творчества Фонвизина. Перевод трагедии Вольтера «Альзира» (который распространялся в списках) создал ему репутацию талантливого начинающего автора. Одновременно он был принят в кружке молодых драматургов, которые группировались вокруг его непосредственного начальника И. П. Елагина, известного переводчика и мецената. В этом кружке сложилась теория «склонения» иностранных произведений «на русские нравы». Елагин первый применил принцип «склонения» в заимствованной у Гольберга пьесе «Жан де Моле, или Русский

француз», а последовательно его сформулировал В. И. Лукин в предисловиях к своим комедиям.³

До этого времени в переводных пьесах изображался малопонятный русскому зрителю быт, употреблялись иностранные имена. Все это, как писал Лукин, не только уничтожало театральную иллюзию, но и уменьшало воспитательное воздействие театра. Поэтому началось «переделывание» этих пьес на русский лад. «Корионом» Фонвизин заявил о себе как о стороннике национальной тематики в драматургии и включился в борьбу с переводчиками развлекательных пьес.

В кружке Елагина проявляли живой интерес к новому жанру «серьезной комедии», получившей теоретическое обоснование в статьях Дидро и завоевывавшей европейские сцены. Попытка, половинчатая и не вполне удачная, ввести принципы нравоучительной драматургии в русскую литературную традицию была сделана уже в пьесах Лукина. Но его комедии оказались лишены чувства комического и, главное, противостояли нарастающему проникновению сатиры во все области литературы, которое несколькими годами позднее привело к появлению сатирической журналистики. Такие частные темы, как трогательное изображение страдающей добродетели или исправление порочного дворянина, никак не соответствовали политическим целям русских просветителей, ставивших вопрос о преобразовании общества в целом. Пристальное внимание к поведению человека в обществе позволило Фонвизину глубже, чем его современникам, понять основы просветительской эстетики Дидро. Замысел сатирической комедии о русском дворянстве оформился в атмосфере споров вокруг Комиссии для составления Нового Уложения, где большинство дворян выступило в защиту крепостничества. В 1769 г. «Бригадир» был завершен, и, обращаясь к общественной сатире, Фонвизин окончательно порывает с елагинским кружком.

Комедия «Бригадир», в конечном счете, была уничтожающей сатирой на крепостников, хотя Фонвизин прямо не затрагивал в ней тему крепостного права. Поскольку драматург преследовал

- 659 -

цель дать собирательный образ целого сословия, в пьесе трудно выделить главного героя. Формально нити интриги сходятся к молодому петиметру и галломану Иванушке, но его образ оттеняет достаточно подробно только недостатки дворянского воспитания. Не стоят в центре комедии также образы Бригадирши и Бригадира, от которых она получила свое название, несмотря на то, что этим впервые выводимым на сцену персонажам Фонвизин придавал особое значение. В итоге каждое из действующих лиц пьесы не только существует само по себе, но и дополняет коллективный портрет русского дворянства, как оно виделось Фонвизину.

В «Бригадире» использован распространенный в комедии XVIII в. любовный сюжет: родители пытаются устроить выгодный брак между детьми, в то время как сердца их детей отданы другим. Но и этот сюжет с традиционно благополучным окончанием писатель использовал в целях сатирического разоблачения, придав ему памфлетное звучание. «Бригадир» — это комедия, посвященная дворянству как сословию.

Две семьи встречаются, чтобы женить только что вернувшегося из Парижа бригадирского сына Ивана на падчерице Советницы — Софье. В действительности любовные отношения развиваются не так, как следовало бы ожидать. Бригадир, оказывается, очарован Советницей, Советнику умнее и привлекательнее всех женщин на свете кажется Бригадирша, а Иван и Советница бросаются в объятия друг другу, потому что всех остальных считают дураками.

Тема «глупости» объединяет героев «Бригадира» в не меньшей степени, чем сословная принадлежность. То, что по их представлениям является умом, драматург разоблачает перед зрителем как грубое своекорыстие, невежество, отсутствие чувства патриотизма, элементарную безнравственность.

Бригадир считает себя умным человеком потому, что дослужился до 5-го класса по «Табели о рангах» и знает наизусть «Артикул» и «Устав военный». Советник все необходимые дворянину познания и ум сводит к уменью толковать Уложение так, чтобы обирать и правого и виноватого. Советница жалуется, что муж и все ее соседи — скоты и неучи, так как не читают романов и не брали уроков у французов-учителей. Иван вообще полагает, что, не побывав в Париже, русскому человеку умным быть нельзя. Даже простодушная Бригадирша, всю жизнь слышавшая от мужа, какая она дурища, в глубине души уверена, что ей, «слава богу, ума не занимать» (1, 67), и по-своему права, так как по ее же словам — «без ума жить худо, что ты наживешь без него?» (1, 74), а она наживать умеет. Свой эталон «ума» каждый из героев прилагает также к другим. Грубому солдафону Бригадиру видится в жеманящейся Советнице светская дама, «крепкая фортеция» (1, 88), а поскольку она командует старым мужем, он находит в ней «ума целую палату» (1, 48). Бригадирша, которая «за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами»,

- 660 -

неодолимо нравится Советнику, который в свою очередь «скуп и тверд как камень» (1, 55). Советница без ума от Ивана, потому что сама бредит только французскими модами и любовными похождениями, а он по той же причине — от нее. Единственной Бригадирше не приходит в голову изменить мужу. Хоть он ее поколачивает, но зато только его одного она и понимает: «... все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай» (1, 65).

Амурные намерения героев изображены Фонвизиним как пародия на настоящую любовь и постоянно ставят их в смешные отношения друг к другу. На протяжении всего действия пьесы непрерывно открывается полное несоответствие поведения персонажей здравому смыслу и моральной норме, чему посвящены самые забавные сцены. На сцене всерьез обсуждается вопрос, до какого чина по «Табели о рангах» у Создателя «власы главы нашей изочтены суть» (1, 50), любовное объяснение принимается за просьбу ссудить денег, и т. п. Типичным приемом такого саморазоблачения героев является, например, хвастовство, с которым Иван рассказывает о своих успехах в Париже: «В Париже меня принимали, как я заслуживаю... Где меня ни видали, везде у всех радость являлась на лицах, и часто не могли ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо доказывал, что они обо мне думают» (1, 77).

Совершенно новым для русской драматургии явлением «Бригадир» был в жанровом отношении. Фонвизин создал первую «комедию нравов».4 Классическая «комедия характеров» выводила на сцену порочных или смешных героев, свойства которых были изначальны и не требовали объяснения. Все их сценическое поведение было логическим следствием основной черты: скупости, ревности, лицемерия, глупости и т. д. Под «нравами» же подразумевались такие человеческие качества, которые приобретались воспитанием и житейским опытом в широком смысле. Они могли совпадать с основными свойствами, но и в этом случае как бы постулировались внешними обстоятельствами. В разработку «теории нравов» большой вклад внесла «мещанская драма», и несомненно, что изучение Фонвизиним опыта Дидро, позднеклассицистической комедии и участие в кружке Елагина — Лукина оказали большое влияние на метод изображения героев «Бригадира».5

Каждый из них глуп по-своему, не говоря уже о том, что каждый характер не всегда исчерпывается одной какой-нибудь чертой. Фонвизин не показывает процесс формирования характера, но объясняет различное поведение действующих лиц биографическими обстоятельствами. Так, природная глупость Акулины

- 661 -

Тимофеевны усугубляется тем, что Бригадир всю жизнь вколачивал в нее мысль об этом. Иван и Советница не только глупы, но и дурно воспитаны. В образе Советника свободно варьируются черты «приказного»: к скупости и жадности добавляются лицемерие и религиозное ханжество. В отличие от Бригадира Советник — всего лишь дворянин за выслугу, и деревеньку купил незадолго до указа о запрещении взяток. Таким

образом, поведение персонажей, их черты тесно связываются с бытом, и возникает комедия «в русских нравах». Вместе с тем, хотя Фонвизин и следует одному из основных принципов «мещанской драмы», объясняя характеры воспитанием, в целом «Бригадир» вовсе не похож на пьесы Дидро и его последователей. Там «смешное» сознательно приносилось в жертву «серьезному». Фонвизин, не упуская из виду серьезной сатирической цели, делает основным оружием борьбы именно смех, а не прямое обличение. Поэтому в просветительской, выросшей из нового понимания природы человека пьесе драматург использовал форму и приемы «комедии положений» мольеровского типа.

Первая комедия Фонвизина не лишена даже элементов буффонады. Если прямо на сцене и не происходят потасовки, то Бригадир на протяжении всего действия рассыпает направо и налево угрозы приступить к драке. Шире всего, однако, Фонвизин пользуется не игровыми, а чисто литературными, словесными приемами комического. К ним относится макароническая речь Ивана и Советницы, некстати пересыпанная французскими словами. Фонвизин любит использовать каламбуры и строить на них целые сценки. Советник, внушая дочери почтение к будущей свекрови и расхваливая Бригадиршу, хочет подчеркнуть, что почтенная женщина особо отмечена в «Книге живота» (т. е. в «Книге жизни»), но называет ее «Книгой животных» (1, 63). Вообще слово «скот» является своего рода доминантой в тексте «Бригадира», показателем крайней деградации эгоистического человека.

Как истинный художник, Фонвизин в «Бригадире» далек от декларативности. Хотя в пьесе постоянно ощущается авторская точка зрения, зрителю предоставляется соучаствовать в вынесении приговора порочным героям комедии. Фонвизин использует здесь прием саморазоблачения персонажей. Его герои разговаривают о воспитании, о науках, о семейных добродетелях и любви. Зритель же потешается и негодует по поводу их суждений, за которыми стоит Фонвизин-просветитель, сделавший торжествующим героем комедии — смех над мерзостями жизни.

В «Бригадире» изображены и сопоставлены два поколения русского дворянства. Внешне Иван разительно не похож на своих родителей, но в сущности, как показывает Фонвизин, и молодое и старое поколения оба дурны. Не случайно в начале пьесы Бригадирша произносит фразу: «Мы все дворяне, мы все равны» (1, 49), а кончается она ссорой из-за оскорбления чести дворянина.

- 662 -

Понятие «чести» — одна из основных категорий дворянской идеологии. Для Фонвизина и его современников оно было не только синонимом личного достоинства. «Честный человек не закону повинуется, — писал Фонвизин в «Опыте российского сословника». — В душе его есть нечто величавое, влекущее его мыслить и действовать благородно» (1, 228). Чувство долга давало дворянству право руководить обществом. Герои «Бригадира», ведущие спор о том, сколько и кому нужно получить за «бесчестье» по закону, оказывались к этому уже не способны.

Просветительские надежды Фонвизина связаны с иными людьми, которых представляют Софья и Добролюбов. Справедливо отмечалась художественная слабость положительных образов «Бригадира». Однако нельзя забывать, что именно эти образы сознательно противопоставлены осмеиваемым персонажам, и это обуславливает их важное значение в качестве выразителей авторских идей. Если Софья и Добролюбов не могут быть названы жизненно убедительными образами, они все же являлись набросками любимого идеала Фонвизина. Друг в друге они уважают человека, и судьба Бригадирши возмущает в них «человечество» (1, 85). Им чужда корысть, которая движет остальными героями. Неожиданное богатство, к полному удивлению Советника, не кружит головы Добролюбову, и он остается верен своей любви к Софье; Софья и Добролюбов выражают примерно тот же круг нравственных представлений, отзвуки которых можно найти и в переписке Фонвизина с родными, и в автобиографическом «Чистосердечном признании».

В «Бригадире» отразились иллюзорные надежды ранних русских просветителей, связанные с законодательной комиссией 1767 г., на решительные государственные преобразования. Фонвизин смехом провожал то, что, как ему казалось, уходит в прошлое, — засилье глупости и злоупотребления «крапивного семени». В жизнь должны были прийти другие, разумные люди, способные устроить ее на новых началах.⁶ Поэтому его Бригадир и Советник уже в отставке, а судебное дело Добролюбова решается «волей вышнего правосудия» (1, 81).

Но реформ не последовало. Екатерина II поняла, что настоящей силой, на которую она может самодержавно опереться, является не узкий круг просвещенных дворян, а советники и бригадиры, осмеянные Фонвизиным. Миф о просвещенной государыне был разрушен, и с этого времени русские просветители начинают борьбу с екатерининским самодержавием.

В 1769 г. Фонвизин из переводчиков при кабинете императрицы переходит в Канцелярию канцлера Н. И. Панина и вскоре делается одним из его доверенных лиц. Братья Никита и Петр Панины были представителями аристократической оппозиции, еще в 1762 г. выступившей за ограничение самодержавия дворянским

- 663 -

Верховным Советом. Проект был отвергнут, но тем не менее Н. И. Панину было поручено воспитание будущего императора Павла I. Многие считали, что по достижении наследником престола совершеннолетия Екатерина будет вынуждена вернуть сыну престол, узурпированный у его отца.

Разочарование в Екатерине не было для Фонвизина крушением веры в «просвещенный абсолютизм» вообще. Открывшаяся благоприятная возможность внушить юному наследнику престола идеи Просвещения и тем самым обеспечить будущее России, по-видимому, и заставила его перейти к Панину. О целеустремленной деятельности Фонвизина в этом направлении свидетельствует его «Слово на выздоровление Павла Петровича» (1771) и перевод «Слова похвального Марку Аврелию» А. Тома (1777); оба произведения содержали наставления, как должен править монарх, чтобы обеспечить благо нации.

Убеждение писателя, что только просвещенное правление дает благоприятную и реальную возможность осуществить необходимые реформы, подкрепляли общественные события в России. Он был свидетелем Пугачевского восстания, до основания потрясшего государство, грозившего, как казалось, полной анархией. Пугачевщина заставила перепуганных дворян еще энергичнее поддерживать Екатерину, царствование которой становилось все более похоже на деспотию с неизбежным фаворитизмом, беззаконием и подавлением всякой политической свободы. С другой стороны, лицемерная политика Екатерины заставляла подумать о гарантиях, которые бы сделали впредь невозможным появление деспотии. Такой гарантией могли служить лишь прочные государственные законы, обязательные не только для подданных, но и для монарха.

Просветительские идеалы Фонвизина на протяжении 1770-х гг. конкретизируются в виде тщательно разработанной политической программы. Она учитывала конституционные идеи Панина, накопленный Фонвизиным опыт практической работы на посту крупного чиновника, а также изучение западных государственных систем.

В 1777—1778 гг. Фонвизин около полутора лет провел во Франции, усердно знакомясь с юриспруденцией, философией и социальной жизнью страны, давшей миру передовые просветительские доктрины. Письма из этого путешествия, обработанные в виде путевых записок, явились замечательным памятником публицистики XVIII в.

В письмах изображается Франция незадолго до Великой революции, со всеми противоречиями феодализма, напоминавшими русскому путешественнику его родину. И там и здесь он видел деспотизм монархов, развращенное дворянство, угнетенный народ, упадок нравов. Сравнение двух государств позволило Фонвизину понять, что

неограниченное самовластие — причина упадка наций независимо от национальной почвы, и вольность необходима

- 664 -

Франции не менее, чем России. Вместе с тем французские впечатления укрепили мысль писателя о том, что движение к вольности должно быть умеренным и постепенным, что — как писал он несколько позднее — «вольность, собственность, равно как и форма, каковую публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации» (2, 264). Говоря о равенстве (равноправии) в разных странах, он считает его благом для Англии, где оно основано на духе правления, и злом — во Франции, народ которой еще не готов к подобным переменам. Прежде всего, однако, во всех размышлениях Фонвизина сквозит сопоставление с Россией, как бы примерка достижений европейской общественной практики к русским условиям. В черновом наброске одного из писем к Панину мысль о необходимой и неизбежной вольности прозвучала особенно сильно. Фонвизин прямо присоединился к мнению Ж.-Ж. Руссо, что «вольность есть действительно первый дар природы и что без нее народ мыслящий не может быть счастлив» (2, 474). Но для народа, привыкшего жить в неволе (т. е. для русского народа), этот дар, вдруг возвращенный, может быть губителен, так как обратившаяся в самовольство вольность может послужить причиной уничтожения самого государства.

Впечатления своей заграничной поездки Фонвизин подытожил в письме к близкому другу Я. И. Булгакову: «Если здесь (т. е. во Франции, — В. С.) прежде нас жить начали, то, по крайней мере, мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избежать тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились... Я думаю, что тот, кто родился, посчастливей того, кто умирает» (2, 493). Надежда на молодость России, которая еще может избежать ошибок мировой истории, как будто пророчила успех начинаниям русских просветителей. Практический подход к виденному во Франции, возможно, определил резко критическое отношение Фонвизина ко всему европейскому опыту. В этом отношении и сама Франция и французские просветители, друзья русской императрицы, разочаровали его. Фонвизин не почувствовал признаков назревающей народной революции, подготовленной идеями философов, так как не верил в успех широкого общественного движения и не желал его. Напротив, он отчетливо видел, что, несмотря на все усилия просветительской пропаганды, форма правления во Франции оставалась откровенно деспотической. Фонвизин убеждается, что придать монархии просвещенный характер можно только после политических перемен.

Итогом этих размышлений явилось в значительной степени «Рассуждение о неперменных государственных законах» (так называемое политическое завещание Н. И. Панина Павлу I), писавшееся в 1782—1783 гг. Оно представляет сочиненное Фонвизиним предисловие к замышленному Паниным, но неосуществленному проекту «основных законов», целью которого было ограничить самодержавную власть в России.

- 665 -

Мысли Фонвизина об уничтожении крепостного рабства в этом сочинении не претерпели изменений. Как и ранее, он считал необходимым предоставить политическую свободу и право собственности не только дворянам, но всем членам общества. Однако в данный момент он отмечал, что в России нет ни одного сословия («политического людей состояния», 2, 265), которое могло бы «без приуготовления воспринять преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы» (2, 266). Под пером Фонвизина рождалось резкое и гневное описание положения нации, погибающей под игом ничем не ограниченного самодержавия Екатерины II. Дворянство, долженствующее быть почтеннейшим из сословий и представителем нации, «именем только существует и продается за деньги всякому подлецу, ограбившему отечество»; знатность, т. е. заслуженная аристократия, «затмевается фавером, поглотившим всю пищу истинного любочестия [честолюбия]»; народ, «пресмыкаяся во мраке глубокого невежества, носит

безгласно бремя жестокого рабства»; престол зависит «от отворения кабаков для зверской толпы буйн, охраняющих безопасность царския особы» (дворцовые перевороты) и может быть «поколеблен мужиком, одним человеческим видом от скота отличающимся» (восстание Пугачева) (2, 265—266). В таких условиях конечная цель могла быть достигнута только усилиями просвещенного правительства вместе с просвещенным дворянством после длительного «приуготовления». Замечательный образец политической публицистики, «Рассуждение» явилось одновременно и изложением идей, которые нашли художественное воплощение в лучшей комедии Фонвизина — «Недоросле», законченной к 1782 г.

Внешне оставаясь в пределах бытовой комедии, предлагая вниманию зрителя ряд бытовых сцен, Фонвизин в «Недоросле» затрагивал новую и глубокую проблематику. Задача показать современные «нравы» как результат определенной системы взаимоотношений людей обусловила художественный успех «Недоросля», сделала его «народной», по словам Пушкина, комедией. Затрагивая главные и злободневные вопросы, «Недоросль» действительно явился очень яркой, исторически точной картиной русской жизни XVIII в. и в качестве таковой вышел за рамки идей узкого кружка Паниных. Фонвизин в «Недоросле» оценил основные явления русской жизни с точки зрения их общественно-политического смысла. Но его представление о политическом устройстве России сложилось с учетом основных проблем сословного общества, так что комедию можно считать первой в русской литературе картиной социальных типов.

По сюжету и названию «Недоросль» — пьеса о том, как дурно и неправильно обучали молодого дворянина, вырастив его прямым «недорослем». На самом деле речь идет не об ученье, а о «воспитании» в обычном для Фонвизина широком значении этого слова. Хотя сценически Митрофан — фигура второстепенная,

- 666 -

то обстоятельство, что пьеса получила название «Недоросль», не случайно. Митрофан Простаков — последний из трех поколений Скотининых, которые проходят перед зрителями непосредственно или в воспоминаниях других действующих лиц и демонстрируют, что за это время в мире Простаковых ничто не изменилось. История воспитания Митрофана объясняет, откуда берутся Скотинины и что следует изменить, дабы впредь они не появлялись: уничтожить рабство и преодолеть нравственным воспитанием «скотские» пороки человеческой природы.

В «Недоросле» не только развернуты положительные персонажи, эскизно намеченные в «Бригадире», но и дано более глубокое изображение общественного зла. Как и раньше, в центре внимания Фонвизина находится дворянство, но не само по себе, а в тесных связях с крепостным сословием, которым оно управляет, и верховной властью, представляющей страну в целом. События в доме Простаковых, достаточно колоритные сами по себе, являются в идейном отношении иллюстрацией более серьезных конфликтов.

С первой сцены комедии, примерки кафтана, сшитого Тришкой, Фонвизин изображает то самое царство, где «люди составляют собственность людей», где «человек одного состояния может быть одновременно истцом и судьей над человеком другого состояния» (2, 265), как он писал в «Рассуждении». Простакова — полновластная хозяйка в своем имени. Правы или виноваты ее рабы Тришка, Еремеевна или девка Палашка, решить это зависит только от ее произвола, а она о себе говорит, что «рук не покладывает: то бранится, то дерется, тем и дом держится» (1, 124). Однако, называя Простакову «презлой фурией», Фонвизин вовсе не желает подчеркнуть, что изображенная им помещица-тиранка — некое исключение из общего правила. Его мысль заключалась в том, чтобы, как точно заметил М. Горький, «показать дворянство выродившееся и развращенное именно рабством крестьянства».7 У Скотинина, брата Простаковой, такого же рядового помещика, тоже «всякая вина виновата» (1, 109), а свиньям в его деревеньках живется много лучше, чем людям. «Разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?» (1,

172) — поддерживает он сестру, когда она обосновывает свои зверства ссылкой на Указ о вольности дворянской.

Привыкшая к безнаказанности, Простакова простирает свою власть от крепостных на мужа, Софью, Скотинина — на всех, от кого, как надеется, не встретит отпора. Но, самовластно распорядившись в собственном поместье, она сама постепенно превратилась в рабу, лишенную чувства собственного достоинства, готовую пресмыкаться перед сильнейшим, стала типичной представительницей мира беззакония и произвола. Мысль о «животной» изменности этого мира проведена в «Недоросле» столь же последовательно,

- 667 -

как в «Бригадире»: и Скотинины и Простаковы «одного помету» (1, 135). Простакова лишь один пример того, как деспотизм уничтожает человека в человеке и разрушает общественные связи людей.

Рассказывая о своей жизни в столице, Стародум рисует такой же мир себялюбия и рабства, людей «без души». По существу, утверждает Стародум-Фонвизин, проводя параллель между мелкой помещицей Простаковой и знатными вельможами государства, «если невежда без души — зверь», то «просвещеннейшая умница» без нее не более как «жалкая тварь» (1, 130). Придворные в той же степени, что и Простакова, не имеют представления о долге и чести, раболепствуют перед знатными и помывают слабыми, жаждут богатства и возвышаются за счет соперника.

Афористические инвективы Стародума задевали все дворянское сословие. Сохранилось предание, что какая-то помещица подала жалобу на Фонвизина за реплику Стародума «мастерица толковать указы»,⁸ почувствовав себя лично оскорбленной. Что же касается его монологов, то как ни были они прикровенны, самые злободневные из них изымались по требованию цензуры из сценического текста пьесы.⁹ Сатира Фонвизина в «Недоросле» обращалась против конкретной политики Екатерины.

Центральной в этом отношении является первая сцена 5-го действия «Недоросля», где в разговоре Стародума с Правдиным Фонвизин излагает основные мысли «Рассуждения» о примере, который государь должен подавать своим подданным, и о необходимости прочных законов в государстве. Стародум формулирует их так: «Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных... Где знает он, в чем его истинная слава..., там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно, и что угнетать рабством себе подобных беззаконно» (1, 167—168). В нарисованных Фонвизиним картинах злоупотреблений крепостников, в изображенной им истории воспитания Митрофана рабой Еремеевной, так что «выходит вместо одного раба двое» (1, 169), в отзывах о фаворитах, стоящих у кормила власти, где честным людям нет места, заключалось обвинение самой правящей императрицы.¹⁰ В пьесе, сочиненной для публичного театра, писатель не мог выражаться столь точно и определенно, как он это делал в предназначенном для узкого круга единомышленников «Рассуждении о неперменных государственных законах».¹¹ Но читатель и зритель

- 668 -

понимали неизбежные недоговоренности. По признанию самого Фонвизина, именно роль Стародума обеспечила успех комедии; исполнению этой роли И. А. Дмитриевским публика «аплодировала метанием кошельков» на сцену.¹²

Роль Стародума была важна для Фонвизина еще в одном отношении. В сценах с Софьей, Правдиным, Милоном он последовательно излагает взгляды «честного человека» на семейную мораль, на обязанность дворянина, занятого делами гражданского правления и военной службой. Появление подобной развернутой программы свидетельствовало, что в творчестве Фонвизина русская просветительская мысль перешла от критики темных сторон действительности к поискам практических способов изменить самодержавный строй.

С исторической точки зрения надежды Фонвизина на монархию, ограниченную законом, на действенную силу воспитания, «приличного всякому состоянию людей» (1,

169), были типичной просветительской утопией. Но на сложном пути освободительной мысли Фонвизин в своих поисках выступил непосредственным предшественником республиканских идей Радищева.

В жанровом отношении «Недоросль» — комедия. В пьесе много истинно комических, а отчасти и фарсовых сцен, напоминающих «Бригадира». Однако смех Фонвизина в «Недоросле» приобретает мрачно-трагический характер, и фарсовые потасовки, когда в них участвуют Простакова, Митрофан и Скотинин, перестают восприниматься как традиционные смешные интермедии.

Обращаясь в комедии к отнюдь не веселым проблемам, Фонвизин не столько стремился изобрести новые сценические приемы, сколько переосмыслил старые. Совершенно оригинально в связи с русской драматической традицией были осмыслены в «Недоросле» приемы буржуазной драмы.¹³ Коренным образом, например, изменилась функция резонера классической драматургии. В «Недоросле» подобную роль выполняет Стародум, который выражает авторскую точку зрения; это лицо не столько действующее, сколько говорящее. В переводной западной драме встречалась аналогичная фигура мудрого старого дворянина. Но его поступки и рассуждения ограничивались областью моральных, чаще всего семейных проблем. Стародум Фонвизина выступает в роли политического оратора, и его морализации являются формой изложения политической программы. В этом смысле он скорее напоминает героев русской тираноборческой трагедии. Возможно, что подспудное влияние высокой «драматургии идей» на Фонвизина, переводчика «Альзиры» Вольтера, было сильнее, чем это может показаться на первый взгляд.

Фонвизин явился создателем общественной комедии в России. Его общественно-политическая концепция обусловила самую характерную

- 669 -

и общую особенность его драматургии — чисто просветительское противопоставление мира зла — миру разума, и, таким образом, общепринятое содержание бытовой сатирической комедии получило философскую интерпретацию. Имея в виду эту черту пьес Фонвизина, Гоголь писал о том, как сознательно пренебрегает драматург содержанием интриги, «видя сквозь него другое, высшее содержание». ¹⁴

Впервые в русской драматургии любовная интрига комедии была полностью отодвинута на второй план и приобрела подсобное значение.

Вместе с тем, несмотря на стремление к широким, символическим формам обобщения, Фонвизину удалось достигнуть высокой индивидуализации своих персонажей. Современников поразило убедительное правдоподобие героев «Бригадира». Вспоминая о первых чтениях комедии, Фонвизин сообщал о непосредственном впечатлении, которое она произвела на Н. Панина. «Я вижу, — сказал он мне, — пишет Фонвизин, — что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто не может сказать, что такую Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». И далее Панин восхищался, с каким искусством написана роль, так что «Бригадиршу видишь и слышишь» (2, 98—100). Метод, с помощью которого достигался подобный эффект, раскрывается в нескольких замечаниях самого драматурга и отзывах современников о жизненности персонажей «Бригадира» и «Недоросля».

Практическим приемом комедийной работы Фонвизина была опора на жизненный оригинал, яркий прототип.¹⁵ По собственному признанию, еще юношей он знал Бригадиршу, послужившую прообразом героини пьесы, и очень потешался над простодушием этой недалекой женщины. В связи с «Бригадиром» сохранилось предание, что образцом для Советника послужил какой-то всем известный президент коллегии, некоторые из реплик Еремеевны были подслушаны Фонвизиним на московских улицах. Образ Стародума сопоставляли с П. Паниным, Неплюевым, Н. Новиковым и другими лицами, называли несколько прототипов Митрофана. Известно также, что некоторые роли актеры играли, сознательно имитируя на сцене манеры хорошо известных зрителям современников.

Сам по себе эмпиризм, к которому прибегал Фонвизин, не является художественной системой. Но характерная деталь, колоритное лицо, смешная фраза, списанные с натуры, могут стать ярким средством индивидуализации и детализации образа или сцены. Этот прием был распространен главным образом в сатирических жанрах 1760-х гг. Например, стихотворные послания Фонвизина, написанные в это время, как мы знаем, обыгрывают

- 670 -

черты характера вполне реальных лиц — его собственных слуг, некоего стихотворца Ямщикова. С другой стороны, в своей драматургии Фонвизин четко определяет сословную и культурную принадлежность персонажей и воспроизводит их реальные сословные взаимоотношения. В его оригинальных комедиях слуга никогда не выступает в роли условного литературного наперсника. Чаще всего индивидуализирующие черты проявляются не в сценическом поведении, а в излюбленной Фонвизиним языковой характеристике. Отрицательные герои Фонвизина говорят обычно на профессиональном и светском жаргоне или грубом просторечии. Положительные герои, выражающие авторские идеи, противопоставлены отрицательным вполне литературной манерой речи. Подобный прием языковой характеристики при свойственном Фонвизину-драматургу языковом чутье оказывался очень действенным. В этом можно убедиться на примере сцены экзамена Митрофана, заимствованной из Вольтера, но в переработке необратимо обрусевшей.

По сатирической направленности образы Фонвизина имеют много общего с социальными масками-портретами сатирической журналистики. Сходными были их судьбы в последующей литературной традиции. Если тип фонвизинской комедии в целом никем не был повторен, то герои-типы получили долгую самостоятельную жизнь. В конце XVIII — начале XIX в. из фонвизинских образов составляются новые пьесы, в виде реминисценций они попадают в самые разные произведения, вплоть до «Евгения Онегина» или сатир Щедрина.¹⁶ Долгая сценическая история комедий, оставшихся в репертуаре до 1830-х гг., превратила героев Фонвизина в нарицательные образы-символы.

Герои Фонвизина статичны. Они уходят со сцены такими же, какими появились. Столкновение между ними не меняет их характеров. Однако в живой публицистической ткани произведений их поступки приобретали не свойственную драматургии классицизма многозначность. Уже в образе Бригадирши встречаются черты, которые могли не только рассмешить зрителя, но и вызвать его сочувствие. Бригадирша глупа, жадна, зла. Но внезапно она превращается в несчастную женщину, которая со слезами рассказывает историю капитанши Гвоздиловой, так похожую на ее собственную судьбу. Еще сильнее подобный сценический прием — оценка персонажа с разных точек зрения — проведен в развязке «Недоросля».

Злодеяния Простаковых постигает заслуженная кара. Приходит распоряжение властей взять имение под опеку правительства. Однако Фонвизин наполняет внешнюю достаточно традиционную развязку — порок наказан, добродетель торжествует — глубоким

- 671 -

внутренним содержанием. Появление Правдина с указом в руках разрешает конфликт лишь формально. Зритель хорошо знал, что петровский указ об опеке над помещиками-тиранами не применялся на практике. Кроме того, он видел, что Скотинин, достойный брат Простаковой по угнетению крестьян, оставался вовсе безнаказанным. Он всего лишь напуган разразившейся над домом Простаковых грозой и благополучно убирается в свою деревеньку. Фонвизин оставлял зрителя в явной уверенности, что Скотинины разве что станут поосторожнее.

Закljučается «Недоросль» известными словами Стародума: «Вот злонравия достойные плоды!». Эта реплика относится не столько к отрешению Простаковой от помещичьей власти, сколько к тому, что ее, лишенную власти, покидают все, даже любимый сын. Драма Простаковой — завершающая иллюстрация к судьбе всякого человека в мире бесправия: если ты не тиран, то окажешься жертвой. С другой стороны, последней сценой

Фонвизин подчеркивал и нравственную коллизию пьесы. Порочный человек сам своими поступками готовит себе неизбежное наказание.

Наиболее важным завоеванием Фонвизина, как уже было отмечено, являлось новое для русской литературы понимание характера.¹⁷ Правда, и у него вся сложность характера ограничивается одной-двумя чертами. Но эти черты персонажа драматург мотивирует, объясняет и биографическими обстоятельствами, и сословной принадлежностью. Пушкин, прочитав «Разговор у княгини Халдиной», сцены из незавершенной пьесы Фонвизина, восхищался тем, как живо писатель умел изображать человека, каким его сделала природа и русское «полуобразование» XVIII в. Позднейшие исследователи, независимо от того, идет ли речь об элементах реализма в творчестве Фонвизина или о его принадлежности к «просветительскому реализму», отмечали буквально историческую точность его произведений. Фонвизин сумел нарисовать достоверную картину нравов своего времени, так как ориентировался не только на просветительское представление о природе человека, но и понял, что конкретный характер несет на себе отпечаток социального и политического бытия. Показывая эту связь человека и общества, он сделал свои образы, конфликты, сюжеты выражением общественных закономерностей. Продемонстрированное с блеском таланта, это открытие Фонвизина на практике стало одним из основных принципов зрелого реализма.

После «Недоросля» и своего выхода в отставку Фонвизин намеревался целиком отдаться литературной деятельности. В 1783 г. он анонимно посылает ряд сатирических произведений в «Собеседник любителей российского слова». Наиболее резкое из них, «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание», завуалированно обращенное

- 672 -

непосредственно к императрице, было расценено ею как непозволительная со стороны подданного дерзость. Когда стало известно об авторстве Фонвизина, он практически лишился возможности печататься. Брошюра «Жизнь графа Н. И. Панина» (1784) вышла без имени автора за границей. Не было упомянуто имя Фонвизина и при появившихся ее русских переводах. Так же анонимно появились перевод сочинения И. Г. Циммермана «О национальном любочестии» (1785) и повесть «Каллисфен» (1786).

Между тем Фонвизин всеми силами стремился восстановить связь с читателем. К 1780-м гг. относится составленная им программа журнала «Московские сочинения», в 1788 г. он безуспешно пытается получить разрешение на издание единого журнала «Друг честных людей, или Стародум». Не осуществилось уже объявленное подпиской «Полное собрание сочинений и переводов» Фонвизина в 5-ти томах. Но, как и многие другие неизданные авторы, Фонвизин находил дорогу к читателю в рукописи, продолжая и под запретом обличать русское самодержавие.

Сноски

¹ Биография Фонвизина наиболее подробно изложена в книге К. В. Пигарева «Творчество Фонвизина» (М., 1954). Многочисленные документы, мемуарные материалы и переписка включены в первую по времени биографию писателя, составленную П. А. Вяземским («Фонвизин», СПб., 1848); см. также: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 5. СПб., 1880. Самым полным и авторитетным изданием сочинений Фонвизина является «Собр. соч. в 2-х т. Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко» (М. — Л., 1959), ссылки на которое далее приводятся в тексте с обозначением тома и страниц.

² Фонвизин также составил и перевел из трудов И.-Г. Юсти, известного своими попытками придать практическую форму просветительским проектам, компиляции под характерными заглавиями «О правительствах» и «Полицейская наука», однако они не были напечатаны и до сих пор не обнаружены, см.: *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин. Творческий путь. М. — Л., 1961, с. 38—43.

³ *Берков П. Н.* В. И. Лукин. М. — Л., 1950 (серия «Рус. драматургии»), с. 29.

⁴ Берков П. Н. 1) Театр Фонвизина и русская культура. — В кн.: Русские классики и театр. М. — Л., 1947, с. 36—39; 2) История русской комедии XVIII в. Л., 1977, с. 123—125.

⁵ Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969, с. 236—243.

⁶ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 111—115.

⁷ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, с. 22.

⁸ Булгарин Ф. В. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1839, с. 9.

⁹ Троянский М. П. К сценической истории комедий Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» в XVIII веке. — В кн.: Театральное наследство. М., 1956, с. 7—23.

¹⁰ Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура, с. 65—66.

¹¹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., 1973, с. 134.

¹² Драматический словарь... М., 1787, с. 89.

¹³ Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина, с. 347—350.

¹⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, с. 400.

¹⁵ Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура, с. 40—41.

¹⁶ Бараг Л. Г. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII века. — В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. Сб. статей. М. — Л., 1940, с. 68—120.

¹⁷ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин, с. 276—278.